

A painting of a woman with dark hair in a bun, wearing a white blouse and a red skirt, looking out a window. The window frame is decorated with red roses. The background is a soft, painterly landscape with greenery and light. The word 'Кукуша' is written in white above her head.

Кукуша

ОДИНОЧЕСТВО

Кукуша Кукуша

ОДИНОЧЕСТВО

<https://litres.ru/74096499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она поклялась в шестнадцать — больше никогда никого не подпускать к себе. Мир предал её, и она решила, что одиночество станет её победой. Алиса читала Ницше, слушала Брамса, строила карьеру и разбивала мужские сердца. Она считала себя сверхчеловеком — пока не поняла, что стала просто трусом, спрятавшимся от жизни.

Три книги об одной женщине и о миллионах таких же, кто верит, что одиночество можно превратить в праздник. О цене независимости. О том, что происходит, когда ты захлопываешь дверь перед всеми, кто мог бы тебя спасти. И о том, как письмо, написанное на смертном одре, меняет судьбы тех, кто его прочитал.

Алиса умерла одна. Но её предупреждение осталось. И каждый, кто столкнётся с этой историей, должен сделать выбор — повторить её путь или найти в себе смелость жить иначе.

Пронзительная история о том, как страх быть уязвимой превращает жизнь в пустоту — и как даже самая тёмная тень может стать светом для других.

Кукуша

ОДИНОЧЕСТВО

Пролог. Голос из никуда

Она не помнила, когда впервые поняла, что будет одна.

Возможно, это случилось в тот миг, когда ей было пять лет, и она стояла посреди детской площадки, сжимая в кулаке пластмассовую лопатку, а другие дети бегали вокруг, смеялись, звали друг друга по именам — и никто не звал её. Она стояла и смотрела на них, на их счастливые лица, на их руки, сплетённые в игре, и чувствовала, как внутри разрастается что-то тёмное, липкое, что она потом научится называть по-разному: гордостью, независимостью, свободой. Но тогда, в пять лет, это было просто одиночество. Чистое, беззащитное, детское одиночество, которое никто не заметил.

Или, может быть, это случилось позже — в двенадцать, когда лучшая подруга, с которой они клялись в вечной дружбе кровью из пальца, вдруг перестала с ней разговаривать, потому что Алиса не так посмотрела на её нового парня. Вечная дружба длилась ровно три месяца — до первых серьёзных ссор, до первого предательства, до первого урока о том, что люди — это ненадёжно. Что их обещания — это просто звуки, которые они забывают на следующий день.

Или, может быть, в шестнадцать, когда мир перевернулся, когда родители смотрели на неё с таким ужасом и разочаро-

ванием, что она решила: лучше я отвернусь первая, чем кто-то отвернётся от меня. Лучше я сделаю больно первой, чем мне сделают больно.

Но, возможно, она просто родилась с этим чувством — с ощущением, что она не такая, как все, что она стоит по ту сторону стекла, наблюдая за чужой жизнью, в которой ей нет места. Как будто её душа была создана из другого материала, непроницаемого для тепла. Как будто ей была уготована другая дорога — та, на которой нет попутчиков.

Эта книга — не только об Алисе. Она обо всех, кто когда-либо чувствовал себя лишним в этом мире. О тех, кто встал перед выбором и ошибся. И о тех, кто нашёл в себе силы выбрать иначе. О тех, кто слышал голос одиночества, который шепчет: «Ты никому не нужна. Ты сильная. Ты справишься одна. Ты свободная». И о тех, кто решил не верить этому голосу.

Но чтобы понять, как всё начиналось, нужно вернуться в самое начало. В тот самый вечер, когда шестнадцатилетняя девочка выбежала из дома с криком, что она никому не нужна. В ту ночь, когда мир впервые предал её по-настоящему. Или, может быть, мир не предавал её вовсе. Может быть, она сама сделала первый шаг в пустоту — и обернулась только тогда, когда мост за её спиной рухнул.

***

Шестнадцать лет — странный возраст. Ты уже не ребёнок, но ещё не взрослый. Ты находишься в подвешенном состоя-

нии, между детством, которое закончилось, и жизнью, которая ещё не началась. Ты смотришь на мир глазами, которые только учатся видеть, и всё кажется тебе либо несправедливым, либо чужим, либо враждебным. Каждая обида — катастрофа, каждая несправедливость — предательство, каждое неловкое слово — удар в спину.

В шестнадцать лет Алиса была острой, как нож. Она резала словами, резала взглядами, резала своей правотой. Она была умнее многих, но не мудрее. Она была красивой, но не видела этого. Она была живой, но чувствовала себя мёртвой внутри — там, где должно было биться сердце, зияла дыра, которую она пыталась залатать книгами, музыкой, философией и злостью. И ничего из этого не работало.

Тот вечер, когда она выбежала из дома, был не первым и не последним. Но он стал поворотным. Он стал точкой, после которой пути назад уже не было. Она сделала свой выбор — и этот выбор определил всё: её жизнь, её смерть, её предупреждение тем, кто остался.

И вот как это было.

***

Тот вечер она запомнила на всю жизнь, до самых последних дней, когда память уже путалась и рассыпалась, как старая мозаика. Родители сидели на кухне — папа с неизменной кружкой чая, которую он пил уже третью за вечер, нервно отхлебывая и обжигаясь, мама с телефоном в руках, на экране которого открыт был её же аккаунт. Алиса только что

вернулась из школы, хлопнув дверью так, что задребезжали стёкла в серванте, где стояли фарфоровые слоны — память о бабушкином приданом.

— Алиса, подойди, — голос матери был спокоен, но в этой спокойности чудилась буря.

Она вошла, скрестив руки на груди, придав лицу то самое выражение высокомерного презрения, которое она репетировала перед зеркалом целый месяц. В кармане школьной формы лежала записка — та самая, которую она написала на скучном уроке литературы. Глупая, детская записка, где она жаловалась на весь свет: на учительницу, которая якобы её недолюбливает, на девчонок, которые обсуждают её одежду, на мальчишку, который пригласил на танцы не её, а рыжую Катюку из параллельного класса.

— Ты можешь объяснить, что это значит? — мама развернула телефон. На экране был её пост: «Ненавижу всех. Хочу, чтобы вы все сдохли».

— Что я должна объяснить? — Алиса усмехнулась той усмешкой, которую она оттачивала перед зеркалом каждое утро. — Всё написано чёрным по белому. Или вы разучились читать по-русски?

— Как тебе не стыдно? — папа отодвинул кружку, и чай расплескался на скатерть. — Бабушка увидела. Она плачет.

— Ой, бабушка! — Алиса закатила глаза. — Вечно у неё всё на нервах. И вообще, если она такая впечатлительная, пусть не сидит в интернете. Интернет — не для старух.

Три часа спора, три часа упрёков, три часа слёз и криков. Она не сдавалась. С каждым словом родителей её злость только крепла, превращаясь в холодную, расчётливую уверенность, что она права, а весь мир — нет.

— Вы все такие лицемерные! — закричала она под конец. — Вы делаете вид, что я вам нужна. Что вы меня любите. А на самом деле я для вас — обуза! Проект, который нужно довести до ума! Я вам докажу! Я проживу без вас. Без всех вас. Без друзей, без мужа, без детей. Я буду одна, и я буду счастлива. Слышите? Счастлива! А вы все останетесь со своей фальшивой любовью и семейными скандалами.

Она выбежала в коридор, накинула пальто, не застегнув, и хлопнула входной дверью — в последний раз, как ей казалось, с такой силой, что со стен посыпалась штукатурка.

На улице было холодно. Ноябрь, мелкий противный дождь, смешанный со снегом. Ветер завывал между панельных домов, срывая с деревьев последние жёлтые листья и швыряя их в лицо. Она шла по пустым улицам, сжимая кулаки, слёзы смешивались с дождём, но она не вытирала их, потому что не хотела признавать, что плачет.

Она остановилась в маленьком парке, где скамейки были мокрыми, а фонари тускло освещали дорожки. Стояла и смотрела на небо, которое было таким же серым, как её душа. И бормотала под нос, как мантру, как заклинание, способное изменить реальность:

— Клянусь. Клянусь, что больше никогда. Никогда нико-

го не подпущу к себе. Никогда не поверю. Не предам. Не позволю себя предать. Мне никто не нужен. Я сама себе мир, сама себе семья, сама себе Бог.

Эти слова прозвучали как приговор, и она поверила в них всей душой. Она не знала, что они станут её проклятием. Она не знала, что, произнеся их, она обрекает себя на жизнь в пустыне, где нет ни оазисов, ни караванов, ни даже миражей.

Она не знала многого. Но она знала одно: она больше никогда не будет слабой. Даже если для этого ей придётся стать каменной.

***

Прошли годы. Она выросла, закончила университет, построила карьеру, собрала библиотеку, научилась рисовать, объездила полмира. Она стала независимой, успешной, уважаемой. Но внутри, там, где когда-то билось живое сердце, осталась только пустота. Она не знала, что оставляет после себя, когда умирала в хосписе. Она не знала, что её письмо найдут, прочитают, запомнят. Она не знала, что её история эхом разнесётся по чужим судьбам, предупреждая, пугая, спасая.

Эта книга — о ней. И о нас. Потому что в каждой из нас есть частица Алисы. В каждой есть голос, который шепчет: «Ты никому не нужна. Ты справишься одна. Ты сильная. Ты свободная». И каждая из нас выбирает — верить этому голосу или идти дальше, искать тепло, рисковать, страдать, лю-

бить.

Выбор — это самое страшное и самое важное, что у нас есть. Алиса сделала свой выбор.

Теперь ваша очередь.

Книга первая. Шестнадцать.

Часть первая. Клятва

Ей было шестнадцать, когда мир впервые предал её настоящему.

Не то чтобы до этого всё было гладко — школа с её стайными законами, где ты либо своя, либо изгой, где каждое неловкое слово множится шепотками за спиной, где подружки вчера клялись в вечной дружбе, а сегодня пересмеиваются, прикрываясь ладошками, где учителя ставят оценки не за знания, а за послушание и умение вовремя улыбнуться. Всё это было, всё это терлось о её кожу каждый день, оставляя микроскопические царапины, которые копились годами. Но тогда, в шестнадцать, случилось то, что переполнило чашу. То, что превратило накопленную усталость в чистую, прозрачную ярость.

Её звали Алиса. И история эта — не о ней одной, а о миллионах таких же, кто поверил в сладкую ложь о том, что одиночество можно превратить в праздник. О тех, кто спутал гордую тишину с глухотой, а свободу — с бегством. Она была обычной девочкой из обычной семьи, с обычными проблемами — но именно в эту секунду, когда дверь кухни захлопнулась за её спиной, она решила стать необычной. Она

решила стать сильной.

Тот вечер она запомнила на всю жизнь, до самых последних дней, когда память уже путалась и рассыпалась, как старая мозаика. Родители сидели на кухне — папа с неизменной кружкой чая, который он пил уже третью за вечер, нервно отхлебывая и обжигаясь, мама с телефоном в руках, на экране которого открыт был её же аккаунт в социальной сети. Алиса только что вернулась из школы, хлопнув дверью так, что задребезжали стёкла в серванте, на котором стояли фарфоровые слоны — память о бабушкином приданом.

— Алиса, подойди, — голос матери был спокоен, но в этой спокойности чудилась буря, та самая предгрозовая тишина, когда воздух кажется ватным, а каждая секунда тянется вечность.

Она вошла, скрестив руки на груди, придав лицу то самое выражение высокомерного презрения, которое она репетировала перед зеркалом целый месяц. В кармане школьной формы лежала записка — та самая, которую она написала на скучном уроке литературы, пока учительница, мадам Калинина, с придыханием читала о страданиях Анны Карениной. Глупая, детская записка, сложенная в самолётик, где она жаловалась на весь свет: на учительницу, которая якобы её недолюбливает и постоянно придирается к её сочинениям, на девчонок, которые обсуждают её одежду за спиной, на мальчишку, который пригласил на танцы не её, а рыжую Катю из параллельного класса.

— Ты можешь объяснить, что это значит? — мама развернула телефон. На экране был её «ВКонтакте» — её глупый пост, написанный сгоряча, после того как она нахимичила с фильтрами и написала: «Ненавижу всех. Хочу, чтобы вы все сдохли».

— Что я должна объяснить? — Алиса усмехнулась той усмешкой, которую оттачивала перед зеркалом каждое утро. — Всё написано чёрным по белому. Или вы разучились читать по-русски?

— Как тебе не стыдно? — папа отодвинул кружку, и чай расплескался на скатерть, оставив тёмное влажное пятно. — Бабушка увидела. Она плачет. Ты вообще думаешь, что делаешь?

— Ой, бабушка! — Алиса закатила глаза так театрально, что это было бы смешно, если бы не было так горько. — Вечно у неё всё на нервах. И вообще, если она такая впечатлительная, пусть не сидит в интернете. Интернет — это не для старух, это для нормальных людей.

Три часа спора, три часа упрёков, три часа слёз и криков. Она не сдавалась. С каждым словом родителей её злость только крепла, превращаясь в холодную, расчётливую уверенность, что она права, а весь мир — нет. Она перечисляла все их грехи: папу, который вечно на работе и не замечает её проблем, маму, которая контролирует каждый её шаг, бабушку, которая считает, что лучшая жизнь — это выйти замуж и сидеть дома. Каждое их слово, каждое замечание

лишь подливало масла в огонь её обиды.

— Вы все такие лицемерные! — закричала она под конец, когда мама уже всхлипывала, уткнувшись в папино плечо, а папа сжимал кулаки, пытаясь сдержать свою ярость. — Вы делаете вид, что я вам нужна. Что вы меня любите. А на самом деле я для вас — обуза! Проект, который нужно довести до ума, чтобы было не стыдно перед соседями! Дрессированная обезьянка, которая должна хорошо учиться, красиво одеваться и не позорить вашу фамилию!

— Алиса! — папа повысил голос. Редко, очень редко он это делал, но сейчас его голос дрожал от сдерживаемого гнева и, как ей показалось, от ненависти. — Прекрати немедленно! Ты не имеешь права так говорить!

— Нет, молчите! — она вскочила, отодвинув стул с таким грохотом, что тот опрокинулся на пол. — Вы всегда молчали! Всегда делали вид, что всё хорошо! А теперь, когда я сказала правду, вы делаете вид, что я сошла с ума! Я вам докажу! Я проживу без вас. Без всех вас. Без друзей, без мужа, без детей. Я буду одна, и я буду счастлива. Слышите? Счастлива! А вы все останетесь со своей фальшивой любовью, семейными скандалами и пустыми надеждами.

Она выбежала в коридор, накинула куртку, даже не застегнув её, и хлопнула входной дверью — в последний раз, как ей казалось, с такой силой, что со стен посыпалась штукатурка. Она бежала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, не чувствуя холода, не видя ничего вокруг, кроме своей

ярости, которая пылала в груди ярче любой звезды.

На улице было холодно. Ноябрь, мелкий противный дождь, который смешивался со слякотью под ногами. Ветер завывал между панельных домов, срывая с деревьев последние жёлтые листья и швыряя их в лицо. Она шла по пустынным улицам, сжимая кулаки, слёзы смешивались с дождём, но она не вытирала их, потому что не хотела признавать, что плачет. Она бормотала под нос, как мантру, как заклинание, способное изменить реальность:

— Клянусь. Клянусь, что больше никогда. Никогда никого не подпущу к себе. Никогда не поверю. Не предам. Не позволю себя предать. Мне никто не нужен. Я сама себе мир, сама себе семья, сама себе Бог.

Она не знала тогда, что клятвы, данные в гневе, имеют свойство сбываться с особой жестокостью. Что слова, брошенные в ночь, как камни в тёмную воду, возвращаются бумерангами через годы. Она не знала, что этот вечер станет точкой невозврата, за которой начнётся другая жизнь — сухая, правильная, математически выверенная. И абсолютно пустая.

Часть вторая. Философия

В университете Алиса преобразилась.

Не внешне — внешне она оставалась всё той же худощавой брюнеткой с острыми скулами, прямым носом и глазами цвета штормового моря, в которых иногда вспыхивали недобрые огоньки. Она всё так же носила джинсы и свитера,

всё так же не пользовалась косметикой и собирала волосы в тугой пучок. Но что-то в ней переменялось кардинально, как будто внутри зажглась новая лампа, свет которой был холодным и резким.

Она перестала искать подруг, перестала обижаться на то, что её не зовут на вечеринки и не включают в общие чаты, перестала ждать звонков от парней, которые раньше казались ей такими интересными. Она просто вычеркнула их из своего мира, как ненужные файлы с компьютерного диска. Общага, где она жила, стала её крепостью, а лекции — ритуалом, который она выполняла механически, получая отличные оценки не из любви к знаниям, а из принципа.

Она начала читать. Читать с жадностью, с маниакальным упорством, с той жаждой, которую обычно испытывают умирающие от жажды в пустыне. Сначала Ницше, потом Шопенгауэра, потом Камю, Сартра, Хайдеггера. «Так говорил Заратустра» стала её настольной книгой, с загнутыми уголками страниц и подчеркиваниями красной ручкой. Она находила утешение в мысли, что одиночество — это удел сильных, что только слабые нуждаются в толпе, в семье, в любви, в этом вечном бляении о «половинках» и «родственных душах».

— Посмотри на меня, — говорила она бабушке, сидя на кухне в общаге, где пахло чужими котлетами и дешёвым чаем. Бабушка приезжала раз в месяц, назло всем запретам, привозила домашние пирожки, соленья, варенье и смотрела на внучку с той тревогой, которая не проходила годами. — Я

читаю. Я учусь на одни пятёрки. Я занимаюсь собой. Я хожу в театр. Я слушаю Баха и Моцарта, а не этот ваш попсовый шум. Мне никто не нужен, чтобы быть счастливой. Я самодостаточна.

— Дитя моё, — бабушка гладила её по холодной, тонкой руке, на которой уже начинали проступать синие венки, — счастье — оно в другом. Оно в том, чтобы разделить. Хлеб разделить, радость разделить, печаль. Чтобы было кому сказать «спокойной ночи» и кто бы ответил тебе. Это всё иллюзии, которые ты сама себе напридумывала.

— Вздор, — отрезала Алиса, отнимая руку. — Это всё социалистические пережитки, рабская психология. Человек рождается один и умирает один. Всё остальное — иллюзии, которые общество навязывает, чтобы контролировать нас, делать послушными и удобными. Стадный инстинкт в чистом виде.

Бабушка вздыхала, собирала сумки, целовала Алису в щёку — и та едва заметно отстранялась — и уезжала. На прощание она всегда шептала одно и то же:

— Ты ещё молодая. Всё изменится. Когда придёт настоящая любовь, ты поймёшь, что была не права.

Но ничего не менялось. Или менялось не в ту сторону, которую надеялась увидеть бабушка. Алиса становилась старше, умнее, успешнее — и холоднее. Она научилась мастерски переводить все разговоры о чувствах в плоскость биологии и химии, называя влюблённость «дофаминовой зависи-

мостью», а привязанность — «окислительной реакцией».

Алиса окончила университет с красным дипломом, получив премию за лучшую дипломную работу, где философски обосновывала преимущества экзистенциального одиночества. Устроилась в хорошую компанию, в престижный отдел, сняла однокомнатную квартиру в центре города, с высокими потолками и огромными окнами. У неё появились деньги — не бешеные, но достаточные, чтобы ни в чём себе не отказывать, покупать дорогую косметику, которую она не использовала, и книги в твёрдых переплётках, которые пахли типографской краской и новой жизнью.

Она купила мольберт и краски. Оказалось, что она умеет рисовать — не гениально, но талантливо, с тем особым, пронзительным взглядом, который даётся только тем, кто много и глубоко смотрит внутрь себя. Её картины были пугающими: пустые комнаты, залитые серым светом, одинокие фигуры у окна, глядящие в никуда, бесконечные коридоры, уходящие в темноту, лестницы, ведущие в никуда. На некоторых были люди — но они всегда стояли спиной, всегда были изолированы друг от друга стеклянными стенами. Она никому их не показывала. Они были её дневником, который она писала на холсте.

Квартира была обставлена с той тщательной, почти болезненной эстетикой, которая свойственна людям, живущим в одиночестве слишком долго. На стенах — репродукции картин, которые она любила: Мунк с его криком, Гоген с его та-

итянками, Ван Гог с его подсолнухами и безумным небом. В углу — старые колонки с идеальным звучанием для симфоний Брамса и Шопена. Книжные полки от пола до потолка — не для вида, для жизни, для чтения, с закладками и пометками на полях, с выцветшими корешками и вложенными случайными билетами.

Вечерами она ходила в театр. Одна. Покупала билет в ложу или на балкон, чтобы никто не мешал, заказывала бокал шампанского в антракте и погружалась в чужую сценическую жизнь, которая была ей чужой — и оттого сладкой, как запретный плод. Она выходила после спектакля, когда город уже затихал, шла пешком домой через ночные проспекты, мимо спящих витрин и редких прохожих, и чувствовала себя королевой.

Королевой пустыни. Владычицей бесконечных песков, где нет ни оазисов, ни караванов, ни даже миража.

Часть третья. Искушение

Первым был Владимир.

Сорок пять лет, женат, двое детей-подростков, которых он видел по выходным, ипотека, два автомобиля и стандартный набор кризиса среднего возраста. Он работал в соседнем отделе, носил дорогие костюмы, от которых пахло табаком и дорогим парфюмом, и всегда задерживался на работе — якобы из-за бесконечных авралов и отчётов, на самом деле из-за домашних скандалов, о которых он сам, впрочем, подробно рассказывал в курилке всем, кто соглашался слушать.

Алисе было двадцать пять, когда они впервые столкнулись у кулера. Она наливала воду, он ждал своей очереди, и она заметила его взгляд — тот самый, оценивающий, с примесью запретного интереса и мужской похоти, который она научилась распознавать за милю. Игра началась. Даже не игра — партия в шахматы, где пешки были чужими судьбами, а ферзём была она.

Она была хороша в этой игре. Она изучила правила досконально, как генерал изучает карту местности перед генеральным сражением. Немного улыбки, чуть-чуть отстранённости, случайное прикосновение, когда подаёшь документы, взгляд чуть дольше обычного — не больше секунды, но достаточной, чтобы оставить след. Всё это было без намёка на серьёзность, без обязательств, без обещаний. Просто игра. Холодная, красивая игра, в которой она брала всё, ничего не отдавая взамен.

Владимир сдался через три недели. Три недели флирта, трёхсекундных взглядов, нечаянных встреч в коридорах и одного совместного обеда в кафе напротив офиса, где она позволила ему заплатить за свой салат.

— Я не могу перестать о тебе думать, — сказал он в какой-то вторник, когда они остались вдвоём в пустой переговорной, и его голос дрожал от волнения, как у подростка. — Это безумие. У меня семья, дети, но когда я вижу тебя, я теряю голову.

— Обо мне? — Алиса притворно удивилась, поправляя

воротник. — Странно. Мы же просто коллеги. У меня слишком много работы, чтобы думать о чём-то ещё.

— Ты понимаешь, о чём я.

Она понимала. Она всё понимала. Она знала, что он не уйдёт от жены, что у него нет на это смелости, но именно это знание и делало игру особенно острой. Она брала его желание, его запретные фантазии, его страдания от невозможности обладать ею полностью — и это питало её эго больше, чем любые дипломы и премии.

У них был роман — шесть месяцев, до тех пор, пока жена Владимира не начала что-то подозревать. Алиса закончила отношения сама, в одно утро, без объяснений, без прощания. Просто перестала отвечать на звонки и перенесла свой обеденный перерыв на час позже. Владимир звонил, писал, караулил у подъезда, умолял, угрожал. Она не отвечала. Ей было не жалко. Ни его, ни его семью, ни детей, которых она никогда не видела, но чьи фотографии в смешных рамках стояли у него на столе.

После него был Андрей, потом Сергей, потом Дмитрий, потом ещё несколько, имена которых она уже не помнила. Каждый раз одно и то же: знакомство на корпоративе или в баре, лёгкий флирт, постепенное сближение, кульминация и — разрыв в тот момент, когда мужчина начинал всерьёз говорить о том, чтобы уйти из семьи. Она не хотела их по-настоящему. Она хотела их желание, их унижение, их зависимость, их страдание. Это был её спорт, её искусство, её месть

всему миру — каждому мужчине, который когда-то не заметил её, каждой женщине, которая смеялась над ней в школе, каждому человеку, который был счастлив, пока она была одинока.

— Ты демон, — сказал ей как-то очередной любовник, уже немолодой владелец сети ресторанов, который бросил ради неё жену, с которой прожил двадцать лет, разорился на алиментах и теперь жил в съёмной квартире. — Ты обещала мне всё, а дала — ничего. Ты выпила мою душу и выплюнула косточки.

— Я ничего не обещала, — спокойно ответила Алиса, подкрашивая губы перед зеркалом, даже не повернув головы к нему. — Ты сам придумал то, что хотел услышать. Ты сам построил воздушные замки. Я просто стояла рядом.

Она посмотрела на его отражение — осунувшееся, с тёмными кругами под глазами, с обвисшими щеками — и почувствовала не жалость, а лёгкое, брезгливое презрение. Слабый мужчина. Разве она виновата, что он слабый? Разве она должна страдать из-за того, что люди не умеют контролировать свои желания?

С годами у неё выработался ритуал. Каждый Новый год, когда город за окном взрывался фейерверками, а соседи звали друг друга за столы, она садилась за свой праздничный стол — одна, с бокалом хорошего шампанского и листом дорогой бумаги. И писала.

«Год первый. Мама с папой наконец-то развелись. Я го-

ворила, что их любовь — фальшивка, лоскутное одеяло из привычек. Правильно сделала, что не вляпалась. Скоро они оба останутся одни, будут доживать свой век в одиночестве и сожалеть. А я — счастлива. Я свободна, как ветер».

«Год пятый. Лена, моя бывшая «лучшая подруга», разошлась с мужем. Изменял, козёл, как и все мужики. Она теперь одна с ребёнком, денег не хватает, ипотека висит, родители еле помогают. Какая уж тут радость? А у меня — театр, живопись, путешествия. Я объехала пол-Европы. Я свободна, как птица».

«Год десятый. У Катьки из параллельного, королевы школы, муж ушёл к молодой любовнице. Она плачет, пьёт, дети её не слушаются. А помните, как она была королевой школы? Все парни у её ног лежали. Теперь — развалина, никому не нужная. Моя жизнь — сплошной праздник, который я устраиваю для себя».

Она считала годы наоборот: чем старше становилась, тем ближе был её личный судный день для всех остальных. Тот день, когда каждый, кто смеялся над ней, кто не понимал её, кто предал её, кто сделал её несчастной, — будет страдать. А она будет смотреть на их страдания с высоты своей философской башни и радоваться. Эта мысль грела её в холодные, долгие ночи, когда тишина в квартире становилась невыносимой, а шаги в подъезде казались шагами чужой жизни.

Часть четвёртая. Трещины

Сорок лет Алиса встретила в одиночестве — но не том,

о котором мечтала в юности. В том, от которого начинают звенеть в ушах тишина и — вместо ожидаемого покоя — приходит не уют, а липкое, тягучее беспокойство.

Она по-прежнему ходила в театр. По-прежнему слушала Брамса и рисовала маслом. Но что-то изменилось. Краски казались блёклыми, как выцветшая фотография, музыка — слишком громкой и резкой, спектакли — пустыми и фальшивыми, актёры — переигрывающими. Всё вокруг потеряло свой вкус, как еда у человека, потерявшего обоняние.

В сорок два она упала на улице. Поскользнулась на гололёде, когда возвращалась из театра домой, неудачно подвернула ногу и упала, ударившись головой о бордюр. Лежала на холодном, мокром асфальте десять минут, глядя в грязное ночное небо, прежде чем прохожие заметили и вызвали скорую. В больнице она пробыла три дня — с переломом лодыжки и сильным сотрясением. Её положили в палату, где было три койки, но соседки ходили к ним родственники, приносили передачи, целовали их в щёки, держали за руки. А она лежала у стены и смотрела в потолок, где медленно ползла длинная трещина, как будто мир вокруг неё трескался по швам.

Никто не пришёл. Не потому, что не хотели, а потому что некому было. Мать звонила на мобильный, плакала, кричала, но жила в другом городе, а у неё самой уже было давление и больное сердце, и она боялась дороги. Отец умер за три года до этого — Алиса узнала о его смерти через случай-

ную рассылку от бывшей коллеги матери. Она не поехала на похороны. Даже не взяла выходной. Просто сидела в офисе, смотрела в монитор и думала: ну что ж, вот и всё.

— А вы кого ждёте? — спросила медсестра, молодая девчонка с весёлыми, наивными глазами, когда пришла ставить укол.

— Никого, — ответила Алиса с той холодной улыбкой, которая давно стала её маской. — Мне никто не нужен. Я справлюсь сама.

Медсестра пожала плечами и вышла. А Алиса осталась одна в палате, глядя в потолок и слушая, как соседка справа говорит по телефону мужу: «Любимый, когда ты приедешь? Я так соскучилась». Соседка слева, старушка, которой было за восемьдесят, ждала внучку, которая обещала привезти её любимые пирожки с капустой.

Вечером, когда город за окном погасил свои огни, Алиса попросила телефон и позвонила матери.

— Мам, привет. Это я.

— Алисочка? — голос матери дрогнул, в нём слышалась надежда и страх одновременно. — Что случилось? Ты никогда не звонишь. Ты заболела? Тебя выгнали с работы?

— Нога сломана. Всё нормально. Скоро выпишут. Я просто хотела сказать... что жива.

— Боже мой... Мне приехать? Я могу, мне не сложно, я возьму билеты на завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.